ждения: они связывают явление с общественным контекстом в целом, тем самым помогая объяснить особенности русского неоязычества в сравнении с западными аналогами; они также связывают выводы с определенным кругом источников, на которые можно опираться. Этнорасовое сознание и политический радикализм наиболее активных и, так сказать, «медийно-выраженных» родноверов действительно бросаются в глаза, и книга Шнирельмана дает тому полное и убедительное подтверждение. Для объемной картины *иных* версий неоязычества потребуется более широкая программа исследования, указания на которую содержатся в самой книге.

А. Агаджанян

Тульпе И.А. Мифология. Искусство. Религия. СПб.: Наука, 2012. — 320 с.

Эта книга заслуживает неспешного прочтения, вникания в логику изложения и смысл выводов. Автор — Ирина Александровна Тульпе, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, знакома многим, интересующимся религиоведением, по ее интересным научным работам в тематическом диапазоне, определяемом названием данной монографии. Но этот труд — первая книга в ее научной биографии. И автор постаралась вложить в текст квинтэссенцию собственных исследований (теоретических и эмпирических) и размышлений.

Особенностью индивидуального «научного почерка» И. Тульпе можно считать способ ее обращения к материалу — активное вопрошание к изучаемому объекту. Авторские наблюдения концентрируются в аналитических рассуждениях, построенных как постоянный диалог с существующими трактовками, с возможными читателями, с оппонентами или с единомышленниками, с собой, в конце концов. Иногда такая манера затрудняет чтение — периодически приходится отвлекаться на ассоциативно возникающие у автора повороты мысли, и потом снова возвращаться к магистрали текста, досадуя на прерывность изложения. Но главное, что магистраль в книге присутствует, и чем дальше продолжаешь чтение, тем заметнее она становится.

Основной вопрос, которым задается автор и о мифологии, и об искусстве, и о религии: а «зачем они человеку как коллектив-

ному субъекту»? Необозримый уже объем высказываний об этом мыслителей «всех времен и народов» свидетельствует о том, что единого и всеми разделяемого ответа на этот вопрос нет. Во многих исследовательских трактовках автора не устраивает, прежде всего, некая «априорность», т. е. наличие подразумеваемого «правильного» ответа на основной вопрос еще до того, как сам вопрос был поставлен. Тульпе склонна к другому ракурсу — поиску смысла явлений непосредственно в самих этих явлениях, взятых в конкретном контексте (материальном или интеллектуальном) их обнаружения. Конечно, этот ход осложняет дело ученого изыскателя — в таком (по)знании всегда не много места для «само собой разумеющегося» и «всем давно понятного». Но в том и оптимизм научного поиска, что, казалось бы, вдоль и поперек изученное открывается новым исследователям новыми гранями.

В книге три главы. Каждая из них имеет замысловатую структуру. Некоторые параграфы вполне цельны, другие же предстают в дифференцированном виде, ветвящимися по трем, четырем или пяти подразделам. Отчасти это следствие исходных заготовок для книги, которыми послужили различные предыдущие публикации И. Тульпе. Но в целом структура определяется общим замыслом монографии — представить читателям авторскую концепцию единства и различия, взаимообусловленности и взаимодействия трех фундаментальных стратегий человеческого бытия: мифоритуальной, художественной, религиозной. Тульпе предлагает проследить сложное (нелинейное) раскрытие, так сказать, человеческого в человеке (в авторской словесности — «человекости»), которое обнаруживается при аналитике трех названных стратегий освоения человеком мира и реализации себя в этом мире.

Первая глава «Истоки. Мифоритуальная культура архаики» является опытом «археологии сознания», устанавливающим ориентиры авторского видения природы мифа. Замечу, что темы и религии, и искусства присутствуют здесь еще, что называется, призрачно. И это — по принципиальному соображению автора, основанному на отсылке к известной научной традиции (в нашей стране представленной, например, А. Ф. Лосевым, Е. М. Мелетинским, О. М. Фрейденберг): мифологическая картина мира и мифоритуальная стратегия бытия не предполагают экспликации ни художественного, ни религиозного, как чего-то, имеющего сущностную определенность вне мифа.

Прежде всего, Тульпе интересует то, как «книжные», выве-

денные во многом из филологических штудий, характеристики мифа проявляются в совершенно осязаемом вещественном материале. Здесь ее квалификация философа-религиоведа дополняется почти четвертьвековым опытом участия в полевой археологической работе экспедиций Государственного Музея истории религии на некрополях Илурата и Китея (малых городов Боспорского царства в Северном Причерноморье).

Время существования этих поселений — с VI века до н.э. по IV век н.э. — это не только постоянные подвижки античной «политической географии», но и значительный период так называемой «осевой эпохи», когда целостность мира людей и их мифологических богов постепенно перестраивается. Все, что выходит за пределы естественного и доступного человеческому постижению, выносится сознанием вовне чувственной реальности. В конечном итоге возникает такая ориентация верований и культов, которая разграничивает области профанного (природного и человеческого) и сакрального, переводя последнее в сферу трансцендентного. Утверждается идея особой, мистической связи земного и неземного, т. е. религия.

Именно потому, что религия — это другая, в сравнении с мифоритуальной, стратегия сознания и поведения, встреча с какими-то свидетельствами верований не должна сходу приводить к их однозначной идентификации исключительно как религиозных. Перед исследователем всегда остается «задача распознания». Памятники материальной культуры, относящиеся к изучаемому периоду — не менее важный источник реконструкции духовного мира античности, нежели дошедшие до нас тексты. Такая вещественность, как некрополи (пограничное и связующее звено между земной и подземной зонами мироздания), хранит, быть может, в наиболее «чистом» виде свидетельства подлинных представлений о сакральном и профаном, о Хаосе и Космосе, о смыслах самих захоронений, жертвоприношений и других ритуалов.

И. А. Тульпе по-своему аргументировано «освобождает» археологический материал исследуемых античных некрополей от приписывания ему религиозного характера, если понимать под сутью религиозного сознания удвоение мира на естественный и сверхъестественный. Как показывает содержание раскопок, даже появление религиозной (в названном смысле) мотивировки похоронных обрядов в поздние времена не заместило полностью их мифоритуальной «заряженности». Автор, в частности, ставит под обоснованное сомнение привычный тезис

об «экипировке» умершего различными предметами как заботе о его посмертном существовании (дескать — «там понадобится»). Репертуар захоронений оказывается либо шире, либо по-иному составлен, чем это было принято прижизненно.

По выводу автора, «основной целью обряда было восстановление и удержание целостности, упорядоченности Космоса в целом и каждого (земного и "иного") мира в отдельности. Необходимым условием достижения этой цели был правильно осуществленный, полноценный переход умершего. Архаическое общество заботилось не о загробном благополучии покойного, а о самосохранении в кризисной ситуации, созданной смертью сородича» (с. 37). В свете этого вывода рассматривается и «искусство» архаики. Слово «искусство» не случайно закавычено в этой главе, поскольку любая изобразительность не имела, по мысли автора, самоценности (так сказать, эстетической значимости самой по себе), а передавала общие свойства предметов и явлений, наполнявших мифоритуальную картину мира, т. е. была неотъемлемой частью мифоритуальной практики.

Не думаю, что эти интерпретации неоспоримы (хотя в них присутствует широкий набор ссылок на «интеллектуальную классику» от Платона до Юнга). У специалистов, очевидно, найдутся свои возражения по поводу трактовки жертвоприношений архаики или же принципов построения мифоритуальной модели мира. Но нельзя не заметить стремления автора к нетривиальному развороту рассматриваемых сюжетов.

Так, завершая аналитическое рассуждение о детских захоронениях в античном некрополе, И. Тульпе приходит к выводу о том, что «в мифоритуальной культуре ребенок не самость, а функция, ритуально добытое обновление. <...> Растущий и ритуально встраиваемый в мир ребенок — постепенное функциональное оформление части действующей модели мира. До тех пор пока ребенок не "до-оформлен", он не мог быть адекватно манифестирован в мире. <...> То есть "воспитательные усилия" были направлены не на выявление и культивирование уникальности человека, а на создание функционально пригодной и необходимой социуму формы. Став функционально пригодной "вещью", правильно оформленной частью и действующей моделью миропорядка, человек именно в этом качестве приобретал подлинное существование» (с. 65–66).

Вторая глава «Религия и искусство: проблема взаимоотношений» строится на сопоставлении мифотворчества

и религиозной картины мира (уточним — в монотеистических системах, которые автор и полагает собственно религиями). По мысли автора, обеспечив сложноустроенность бытия, миф одновременно исчерпал свою универсальность, подведя людей к вопросу о невыразимом мифологически источнике самого бытия. Здесь и наступает черед религии, как «новационного типа сознания» (в каждой общности и культуре хронологически это происходит по-разному и не везде окончательно). Идеей сверхъестественного религия «обесценивает основу существования того мира, которому архаический человек был изоморфен, и этим открывает дорогу к актуализации субъективности человека». Развивая этот тезис, автор утверждает: «В религии происходит процесс превращения из вещи (функции в мироздании) в самосознающего человека, целеполагающего свое бытие. Открыв человеку его ограниченность, религия дает надежду и способы выйти за пределы ограниченности...» (с. 116–117).

Подобно религии, искусство также обретает самоценность, находя себя вне практики мифоритуальной изобразительности, выступает как способ компенсации неполноты и конечности человеческого бытия. Функциональное сходство религии и искусства рождает проблему их взаимных претензий на приоритет. По мнению автора, одной из сторон этой проблемы стала первоначальная невостребованность художественного удвоения мира со стороны религии. Вопреки многим расхожим суждениям о так называемом религиозном искусстве, как обязательном компоненте конфессионального воздействия на верующих, именно художественная деятельность для всех монотеистических систем всегда была предметом «головной боли».

Объясняя происхождение искусства, Тульпе пишет: «Исход из мифоритуального пространства — разрушение связи всего со всем — выражался в индивидуализации вещи, события, персонажа, автора. Искусство начинается с творческого копирования мира, с переживания восторга от возможностей человека как бы проделать путь, обратный сотворению мира, т. е. от наличного бытия к его идее, к раскрытию замысла бытия. Постепенно искусство отрывается от реального мира, формализуется, создает другой, параллельный мир. В осознанном разграничении реального и ирреального проявляется самость искусства» (с. 142–143).

Как считает автор, искусство и религия полагают разное понимание взаимоотношений человека с «иной реальностью»:

для религии эта реальность — мир сверхъестественного, для искусства же «иная реальность» — это творимое самим человеком. Из этого тезиса напрашивается вывод: в первом случае (религия), устремленный к Творцу человек пытается постичь себя идеального; во втором случае (искусство), человек познает (или мнит это) себя реального. У автора позиция выражена следующим образом: «Искусство — это ... деятельность, обусловленная необходимостью осуществления человека в его полноте, когда переживаемая частичность существования осознается как ограничивающая. <...> В религии индивид тоже выходит из этого мира, восходя в иной: здесь важна цель — попадание в “иное” бытие как конечная остановка». И еще цитата, передающая подход автора: «Возникновение искусства позже религии не означает возникновение из религии. Не из веры в сверхъестественное, не из Бога возникает искусство, а из того человека, который образуется как следствие осознания себя в отношениях со сверхъестественным... Религия не порождает потребность в искусстве с необходимостью, но способствует формированию возможности появления такой потребности, которая может быть реализована только в искусстве» (с. 158). Действительно, то и другое — это разные стратегии, по необходимости способные дополнять друг друга, но не имеющие взаимных обязательств и могущие вполне самостоятельно осуществлять собственные функции.

В третьей главе «Культура монотеизма и искусство» И. Тульпе как бы проецирует предыдущие теоретические выкладки на конкретно-исторический материал. Диапазон сюжетов виден из названий разделов: «Монотеизм и изображение», «Иудаизм и искусство», «Христианское в раннехристианском искусстве», «Метафизика православия в его иконе» (с подразделом «Живопись как иконопись»), «Русское христианское сектантство: преображение и изображение». Пожалуй, именно в этой главе обнаруживается некоторая фрагментарность изложения — все-таки материал разноплановый, да и владеет автор далеко не всем в равной мере совершенно. Но все же в ней много продуманных и обоснованных суждений и они не выбиваются из общей концепции, реализованной в книге.

Есть также в этой книге какие-то недостатки не только содержательного, но и технического плана — где-то пропущены буквы в словах, где-то ошибочно разделены предложения и прочее. Ясно, что от автора такие огрехи практически не зависят. Будем надеяться, что со вре-

менем последует переиздание, устраняющее недостатки.

А читателей, — и специалистов и просто интересующихся религиоведением, — можно только поздравить: вышла действительно интересная и полезная книга, заставляющая думать, спорить, искать истину. Спасибо за это автору.

М. Смирнов

Журнал «Религия и общество на Востоке и Западе»

Журнал «Религия и общество на Востоке и Западе» (Religion & Gesellschaft in Ost und West, RGOW), выходящий ежемесячно на немецком языке, посвящен актуальным темам и событиям, связанным с церквями и религиозными общинами в Восточной, Центральной и Южной Европе. При этом особое внимание уделяется вопросам экуменизма и межрелигиозного диалога. Также в журнале дается основательный анализ политических, общественных и культурных процессов, происходящих в отдельных восточно-европейских странах.

В качестве авторов журнала выступают церковные специалисты, ученые и журналисты. Журнал позиционирует себя как площадка для самых разных мнений, призванная способствовать выработке взаимопонимания между Востоком и Западом.

Издание, отличающееся, при всей научной документированности, вполне доступным стилем, обращено к широкому кругу образованных читателей, интересующихся ситуацией в церквях и религиозных общинах у наших восточных соседей. Среди читателей журнала — ученые, вовлеченные в экуменистический диалог, а также все немецкоязычные специалисты, которые занимаются вопросами международного развития.

Контакты: redaktion.g2w@bluewin.ch; www.g2w.eu